ЗАСЛОН × Литрес

Минпромторг России

ИНЖЕНЕРЫ СЛОВА

ОКТАВО: РАЗДВОЕНИЕ

АЛЕКС ПЕРЕДЕРИЙ

Алекс Передерий
Октаво: раздвоение

https://litres.ru/73952556
SelfPub; 2026

Аннотация

Киборг-детектив Октаво работает в отделе киберпреступлений колонии Фарсида. В его послужном списке роботы-убийцы, разумные вирусы, взломы дополненной реальности, андроиды-эскортницы, межпланетные контрабандисты.

Марсианского полицейского сложно удивить, но новое дело меняет все. В убийстве сотрудника корпорации обвиняют девушку с узаконенным раздвоением личности.

Как узнать, кто из двух личностей убийца? Как наказать виновную, если у них общее тело?

Вдобавок лицо психиатра кажется Октаво знакомым.

Может, это ключ к тайнам его собственного прошлого? Ведь у детектива тоже есть свои секреты...

Содержание

Тизер	4
Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Алекс Передерий
Октаво: раздвоение

Тизер

Девушка в сером фартуке осторожно переносила глиняные горшки на поднос. Они были покрыты блестящей глазурью, их красноватые бока отражали кластер светодиодных ламп, освещающих мастерскую. Чтобы не испортить покрытие, девушка осторожно вставляла в горлышко изделия длинную ручку с пневмоприсоской на конце, а для страховки придерживала дно широкой лопаткой.

В мастерской не было ни одного свободного угла. По стенам стояли высокие стеллажи с материалами, вазами, фигурками, красками и лаками, а по центру располагался большой стол с десятком электрических гончарных кругов. Провода с кнопками были аккуратно убраны в специальные чехлы. По полу разъезжал робот-уборщик, натирая и без того чистую плитку. Поднос постепенно заполнялся цветными глянцевыми горшками.

За спиной девушки маячил молодой человек в костюме и что-то взволнованно говорил, размахивая руками.

Поставив свежую партию изделий на тележку, девушка подкатила ее к печи. Она вела себя так, словно не замеча-

ла назойливого присутствия. Медленные плавные движения, отточенные годами. Открыв огнеупорную дверь, девушка закатила тележку в камеру обжига и скрылась в темноте, молодой человек последовал за ней.

Несколько минут в кадре никого не было. Затем пара появилась снова. Девушка хотела было выйти из печи, но молодой человек удержал ее на пороге.

С этого ракурса было видно его лицо, довольно привлекательное.

Молодой человек спешно опустился на колени и достал из кармана коробочку. На черном бархате ярко сверкнул камень.

Девушка замерла, смотря невидящим взглядом сквозь юношу, куда-то в темноту печи, а затем захлопнула перед женихом дверь и запустила программу обжига.

Пока за тонированным стеклом в отчаянии метался мужской силуэт, девушка аккуратно сняла фартук, положила его на край стола, сполоснула руки, вытерла их полотенцем, распустила каштановые волосы и вышла из мастерской, погасив за собой свет.

Камера наблюдения переключилась на ночной режим. На черно-белом изображении не очень хорошо читалось происходящее за тонированным стеклом. Но по ярким языкам пламени было понятно, что юноша сгорал заживо.

Глава 1

Как только видео закончилось, в переговорной снова зажегся свет. Трое полицейских, сидящих за прозрачным столом, переглянулись. Над столом моментально вспыхнули голографические панели, разворачиваясь и подсвечивая лица полицейских мягким голубоватым светом. Над каждым полицейским висел виртуальный бейдж с именем и должностью, светящиеся строчки новостей и уведомлений медленно плыли в воздухе, создавая ощущение рабочего хаоса.

— Ну и зачем вы показали мне эту жесть? — спросил Майер Октаво, откидываясь на спинку стула. Он демонстративно сложил свои кибернетические руки на груди и хмуро посмотрел на коллег.

Ли, пухлый филиппинец из отдела убийств, прятал в кулаке улыбку, играя пальцами с виртуальным блокнотом, парящим перед ним в виде полупрозрачной доски с заметками и каракулями. Его откровенно забавляла бурная реакция коллеги. Невозмутимым оставался только шеф полиции. Рыжий мужчина за пятьдесят, который из-за татуировок и рябого лица выглядел как уголовник, неторопливо листал сводки виртуальных отчетов, разворачивая пальцем голографические страницы прямо в воздухе.

— Знаю, на первый взгляд это не твой профиль, — спокойно произнес он, отправляя прозрачную виртуальную пап-

ку с материалами дела Майеру. Та грациозно пролетела через стол и открылась перед детективом в виде яркой голограммы с фотографиями и схемами. — Но дело любопытное. Тебе понравится.

— Будешь пищать от восторга, как школьница, — хохотнул Ли, за что получил еще один неодобрительный взгляд.

Майер поднял руку, жестом захватывая виртуальные фотографии с места преступления. Изображения медленно вращались в воздухе, позволяя детально рассмотреть обстановку и зафиксировать важные детали.

— Она явно не андроид, — хмыкнул Майер, увеличивая пальцами изображение девушки. — Жертва тоже. Взломали печь, чтобы сжечь паренька? Да нет, девушка сама закрыла перед ним дверь и запустила обжиг.

Шеф полиции усмехнулся. За годы работы он прекрасно изучил своего подчиненного, и игра в угадайку — верный признак его любопытства. А уж если Майер чем-то заинтересовался, то из дружелюбного киборга-гика превращался в настоящую акулу. Вцеплялся в дело и рвал на части, пока не доходил до хребта.

— У нее скрытые протезы и кибернетическая дека? Ее взломали и управляли конечностями? Не похоже. Очень спокойный, отсутствующий взгляд. Она будто не видела этого парня.

Октаво нахмурился и прикрыл глаза, вызывая в памяти только что просмотренную запись. Виртуальное рабочее ме-

сто, почувствовав его желание, тут же приглушило освещение и отодвинуло все лишние уведомления и сообщения на периферию поля зрения.

— Если у нее протезы глаз, их могли взломать и стереть молодого человека с ее поля зрения. Допустим, что и слуховой канал заменили, но он схватил ее за руку, когда удерживал, чтобы сделать предложение. Она почувствовала это прикосновение и остановилась. Тогда что?

Полет фантазии грубо оборвал Ли.

— У нее узаконенное раздвоение личности! И мы не знаем, какая из личностей его убила!

— Ли, твою мать! — рявкнул шеф.

Ли пожал плечами, продолжая улыбаться. Со временем у всех полицейских происходила профессиональная деформация, но у Ли она проявлялась удивительным образом: чем кровавее и загадочней убийство, тем счастливее он выглядел. И сейчас его круглое лицо с широким носом и пухлыми губами буквально светилось радостью.

К счастью, нарушение ритуала не сбило настрой Октаво. Детектив постукивал пальцами по столу, и сенсоры сразу распознали этот жест, выводя перед ним виртуальную панель управления с отчетами и файлами, готовясь к официальной передаче дела.

Шеф по старинке открыл на столе веб-интерфейс и назначил Майера на дело, затем взмахнул рукой и вывел на стол два профиля из личного дела.

Один принадлежал Елизавете Астро, художнице, скульптору, владелице гончарной студии. Второй — Нике Сорес, финансовому аналитику корпорации ZerO. Разные банковские счета, аккаунты социальных сетей, психологический профиль, опыт работы, круг контактов, а из общего — дата рождения, адрес и выразительные карие глаза на миловидном лице.

Майер взмахнул руками в воздухе, подхватывая фотографии из виртуального пространства, и наложил одну на другую. Изображения сошлись идеально, но встреть он девушек на улице, вряд ли принял бы их хотя бы за сестер.

— Поразительно, — выдохнул он, возвращая фотографии в анкеты.

— Пять лет назад суд признал их разными личностями, — пояснил шеф и устало потер виски.

Майер прикрыл глаза, подключаясь к информационной сети. Виртуальное рабочее пространство вокруг него тут же заполнили прозрачные окна со статьями, фотографиями и записями судебных заседаний. Быстрый поиск выдал сразу три новости из разных источников о том, что экспертная комиссия во главе с доктором Хаутшильдом сделала заключение о возможности полного разделения личностей.

С этим решением Елизавета Астро, она же Ника Сорес, а точнее сказать, обе девушки, обратились в суд и победили. Несмотря на общее тело, девушки были признаны двумя разными личностями, юридически узаконили график поль-

зования телом и начали новую жизнь на Марсе.

— Классно, — усмехнулся Майер, наскоро просматривая материалы суда и отправляя ненужные окна на периферию виртуального пространства. — Получается, что у физической оболочки в голове имплант, который отвечает за переключение между личностями. Смена происходит каждые двенадцать часов.

— Клиника, отвечающая за поддержку импланта, прислала нам логи, и в них невозможно понять, какая личность в тот момент управляла телом. Хакнули этот имплант или произошел сбой — разбираться все равно тебе.

Шеф сделал короткий жест рукой, и все виртуальные панели мгновенно собрались в единую компактную папку, ожидая дальнейших действий. Теперь дело официально принадлежало Майеру Октаво.

***Детектив вышел из полицейского отделения, на ходу накидывая куртку поверх полицейской формы. Совершенно бесполезный атрибут одежды — под землей всегда стабильные двадцать один градус и умеренная влажность. За его спиной бесшумно сомкнулись прозрачные створки и разделенные половинки шестиугольника медленно соединились, образуя подсвеченный неоном логотип полицейского управления колонии Фарсида. До конца второй смены оставалось еще двадцать минут, но вряд ли кто-то станет упрекать Майера за попытку миновать основные человеческие пробки у лифтов.

Гигантский человеческий муравейник, скрытый от радиации толстым слоем марсианского грунта, никогда не засыпал. Три марсианские смены: одна на сон, одна на работу, одна на потребление. Когда засыпают первые, вторые просыпаются Чтобы не попасть в давку между теми, кто шел на работу, и теми, кто спешил домой, приходилось немного хитрить. И все равно подземные коридоры всегда были полны людей. Сто двадцать тысяч официально зарегистрированных колонистов. Сколько еще нелегалов? Туристов? Временных сотрудников? Кто знает

Октаво сунул руки в карманы и слился с потоком людей, спешивших по коридору к центральному атриуму купола Дэна. Коридор был широким, с серыми стенами на которых то и дело мерцали рекламные голограммы. Пол под ногами, выложенный крупной бело-серой плиткой, подсвечивался указывая направление движения. По обеим сторонам — двери с яркими вывесками: банки, салоны, клиники, офисы, представители. Колонисты в практичных термокостюмах всех мастей двигались вперед быстро и уверенно. Подавляющее большинство носило электронные очки для доступа к дополненной реальности. Без нее жизнь на Марсе была бы невыносима.

Обычно Майер тоже нырял в какую-нибудь фантазию, позволяя нейросетям заменять потолок на высокое голубое небо, стены — на стволы высоких деревьев, а человеческие голоса превращать в шепот листьев.Обычно, но не сегодня.

Что-то в новом деле было не так. Интересное и очень марсианское убийство, но вместо радости и азарта в груди давила смутная тревога.

Майер встроился в толпу, сливаясь с ней и ускоряя шаг вместе со всеми. Хотя бы на десять минут отпустить мысли на волю и почувствовать себя простым муравьем в очереди себе подобных. Винтиком в отлаженной системе.Прямо сейчас это действовало на детектива как успокоительное.

Атриумы, просторные светлые помещения с высокими потолками, служили заменой городским площадям. Давали чувство простора и постоянно менялись в угоду сезонам и праздникам.Каждый атриум отчаянно боролся за внимание колонистов, соревнуясь с конкурентами за звание главной точки притяжения.В ход шло все: живые растения, уличные музыканты, выставки, кулинарные фестивали, инсталляции.Одно было неизменно — толкучка на входе.

Люди, до этого покорно шедшие прямо по коридору, в атриуме меняли вектор движения в зависимости от того, что привлекло их внимание.Колонисты задевали друг друга, путались под ногами, останавливались невпопад, пытаясь построить дальнейший маршрут, а затем, ближе к центру снова выстраивались в очередь. На этот раз к лифтам.

Посередине атриума Дэна зияла глубокая пропасть, опоясанная металлическими перилами. Если заглянуть за них, то взгляд тонул в пугающей темноте нижних уровней. Марсианское дно. Если же поднять голову, то в погожие дни мож-

но было увидеть кусочек неба через стеклянный купол. Но большую часть времени там была лишь приставучая марсианская пыль.

Вдоль гладких стен шахты бесшумно скользили вверх и вниз серебристые капсулы лифтов, отражающие разноцветные огни вывесок. Вокруг центрального провала на нескольких уровнях разместились магазины и кафе. Вот пестрая витрина магазина одежды «Red Mars Fashion» сверкала манекенами в ультрамодных комбинезонах, украшенных светодиодными вставками и голографическими наклейками, рядом бутик «Уютная гравитация» предлагал жителям колонии мягкие худи и термобрюки с утепленной подкладкой, совершенно бесполезные, но очень популярные среди молодежи.

Повсюду манили огнями забегаловки: «Веселый бургер», «Тритон суши», кофейня «Марсианский экспресс». Под высоким потолком жужжали дроны-курьеры — от самых маленьких до грузовых. Молодежь шумно оккупировала небольшие круглые столики возле кафетерия с логотипом «ZerO», одной из мегакорпораций, с которой у Майера накопилось столько личных счетов, что от одного вида их логотипа сводило зубы.

Октаво остановился у перил, оглядывая это бурлящее жизнью пространство. Сердце Фарсиды билось в бешеном ритме и он чувствовал себя его частью. Несколько минут он просто наслаждался видом, затем все же отправился к бли-

жайшему лифту — и как раз вовремя.

По колонии прозвенела мелодия, возвещающая о конце второй смены и начале третьей. Нужно было спешить, чтобы не попасть в пробку и в эту секунду, наконец, Майер смог осознать, что вызывало у него столько беспокойства.

Лицо психиатра.Оно казалось знакомым.Но ни в биологической памяти, ни во внешней на облаке — нигде не было данных. Значит, это воспоминание из далекого прошлого.Из памяти, которую он потерял.

Октаво резко развернулся и направился обратно в участок. К черту отдых!

***Майер боком протиснулся в свой кабинет, стараясь не разлить кофе. Задача была нетривиальной. Кабинет — довольно громкое слово для каморки, в которой едва поместились сервера, узкий стол и эргономичное кресло.

Изначально в планировке участка вовсе не предполагался отдельный кабинет для специалиста по киберпреступлениям, но, посмотрев на довольно специфичные привычки Октаво, подразделение хором проголосовало за то, чтобы отгородить его. Так на месте бывшего кофепоинта возвели перегородки, поставили дверь и просверлили еще одну дыру в вентиляции, чтобы в помещении было чем дышать. В итоге пространство получилось довольно маленьким, сотрудники полиции называли получившийся кабинет не иначе как келья.

Чтобы выкроить еще пару сантиметров в келье, Окта-

во снял со стен и потолка декоративные панели, обнажив желтоватые бетонные стены. В них он вмонтировал кронштейны, на которые развесил свою коллекцию кибернетических протезов: боевые со встроенным оружием, облегченные, карбоновые, дизайнерские для официальных мероприятий, хромированные, со светодиодами исключительно для Рождества. Только один комплект хранился в специальном контейнере — имитирующий настоящие конечности. И это лишь часть, которую Майер принес на работу.

— Ты давно у психиатра был? — фыркнула детектив Бэнкс, рассматривая коллекцию из коридора. — А давай мы тебе отрежем руки и ноги, а потом посмотрим, как ты будешь развлекаться, — весело предложил Октаво, ставя кофе на узкий стол.

Отодвинув кресло, Майер плюхнулся в него и отстегнул ноги, бросив их валяться под столом, рядом с еще одним комплектом.

Шейла Бэнкс резко отвернулась, чертыхаясь: — Октаво, меня сейчас стошнит. Не делай так при мне.

Майер вздохнул и посмотрел на смуглый профиль своей коллеги: легкомысленные цветные пряди резко контрастировали с убийственной серьезностью взгляда карих глаз.

Сколько они уже работали вместе? Два года? И каждый раз упирались в одну и ту же проблему — устойчивая киберфобия, свойственная землянам.

Шейлу в прямом смысле выворачивало от вида какого-ни-

будь не самого удачного протеза. Майер любил подшутить над бывшей напарницей, выкинуть что-нибудь эдакое, например, протянуть для рукопожатия третью руку или вынуть из ноги протеиновый батончик и предложить ей к чаю, но сейчас было не до того. Характер у Шейлы суровый, а сегодня Октаво была очень нужна ее помощь. В вопросах собственной безопасности довериться можно было только ей.

— Прости, забылся, — честно признался Майер, придвигая себя вместе с креслом вплотную к столу. — Пролезай.

Шейла поморщилась и протиснулась следом, на этом свободное место в кабинете Майера закончилось. — Что ты собираешься такого делать, что мне нужно тебя страховать?

Бэнкс не очень-то разбиралась в технических вопросах, так что объяснять ей приходилось, как земному ребенку: — Я написал для себя новый скрипт анализа данных, но пока не тестировал, — сказал Октаво и протянул Шейле пульт с двумя большими кнопками. На одной фломастером был нарисован крестик, вторая так и оставалась белой. — Сознание работает слишком медленно, так что я хочу рискнуть и обработать инфу на подсознании, — по взгляду Шейлы Майер понял, что коллега уже на этом моменте начинает терять нить беседы. — Короче, если меня тряхнет или начнутся судороги, нажми кнопку с крестиком, ладно?

Шейла застонала и демонстративно попыталась выйти из кабинета. Майер чуть отодвинул стул, преграждая ей путь. — Всего пять минут, пожалуйста, — он поднял глаза на де-

вушку и состроил выражение лица, которое значилось в картотеке эмоций как самое милое из возможных.

Шейла даже не улыбнулась. — Твои эксперименты с мозгами кончатся плохо. Допустим, тебя не тряхнет, но ты не очнешься. Что тогда?

— Тогда жди пять минут и жми на белую. Меня швырнет в реальность, — пожал плечами Майер, потягиваясь и позволяя креслу подстроиться под изгибы спины. Он старался сохранить максимально беспечный вид, чтобы усыпить бдительность Бэнкс. — Что ты вообще собираешься делать?

Октаво посмотрел на Шейлу, несколько секунд пытался оформить суть мыслей в слова, затем произнес: — В деле, что мне поручили, очень много данных. Записи с камер, выписки, посты в социальных сетях, заметки, звонки, медицинские карты, люди, связи, бывшие одноклассники. Скоро допрос, а мне не с чем идти. Я хочу использовать технику подсознательного анализа. Расширить когнитивные функции, позволить мозгу искать закономерности и инсайты в обход сознательной логики. Обычно мозг делает это во сне, а я с помощью нейроинтерфейса могу путешествовать по своим снам.

Шейла посмотрела на Майера как на дурака и развела руками: — Когда мне выдают больше данных, чем я могу обработать, я вздыхаю и признаю, что не всесильна, — сказала Шейла. — А в сутках 24 часа.

— Это потому, что у тебя в голове нет кроличьей норы, —

подмигнул Октаво и уперся макушкой в подголовник кресла.

Шейла вздрогнула и отвернулась. — Просила же предупреждать — Забыл.

Из кресла выдвинулись тонкие, похожие на спицы, манипуляторы и сняли с затылка Майера накладку с волосами, обнажая встроенную в голову кибернетическую деку — небольшой плоский модуль из матово-черного металла, закрепленный непосредственно в затылочной кости. По периметру располагались вентиляционные щели, а в центре — ровный ряд гнезд для подключения оптоволоконных кабелей. Светящиеся индикаторы на поверхности импланта пульсировали, показывая готовность системы к соединению.

Манипуляторы уверенно, но осторожно вставили в порты тонкие полупрозрачные кабели, похожие на нити. В момент подключения пульсация индикаторов ускорилась, а затем стабилизировалась в ровное, спокойное мерцание. Кабели, пропущенные через кресло, уходили по каналу в пол, а затем выныривали у стены, скрываясь в многочисленных серверах.

Лицо Майера расслабилось, казалось, он уснул.

— Прости, — донесся его голос уже из динамика над ухом Шейлы.

Бэнкс вздрогнула, чуть не пролив на себя кофе, а затем крепко выругалась и ткнула Майера в ребра. — Ты не человек, ты скотина!

— Пока еще человек, — ответил Майер, но динамик не

смог верно передать его интонации.

Сожалел ли он об этом или гордился?

Голова Октаво слегка откинулась назад, тело расслабилось, и глаза под закрытыми веками забегали. Майер нырнул в зазеркалье.

***

Октаво очнулся на поверхности, напоминающей старую микросхему, только зеленое покрытие было полупрозрачным и слегка светилось. Со всех сторон вверх росли призрачные здания, разбитые на сектора. Крыши строений едва заметно трепетали.

Почему воображение подсунуло эту интерпретацию подсознания? Наверняка в этом был определенный смысл, но Майер его пока не разгадал.

Сознание складывало факты в аккуратные стопки — улика к улике, цепочка к цепочке. Подсознание же было огромным темным залом, где данные сталкивались, соединялись, отражались друг от друга, образуя новые структуры, которые невозможно было бы построить вручную. Нейроинтерфейс лишь давал этому хаосу форму. Что-то среднее между сном и математическим моделированием. Только насколько получившееся пространство было безопасным? Хороший вопрос.

Сделав несколько неуверенных шагов по поверхности, Октаво заметил, что гравитация в управляемом сне слабее марсианской. Оттолкнувшись посильнее, он подлетел на

несколько метров и ловко приземлился на ноги. От ступней разбежались цветные круги, будто покрытие тонким слоем лежало на воде. Сделав еще несколько прыжков, Майер остановился. В пространстве что-то изменилось.

Наступила тишина. Октаво ждал, но ничего не происходило. Но раз сейчас ничего не слышно, то до этого какой-то звук все же был? Вернувшись, он почувствовал легкую вибрацию. Еще три шага назад — и до ушей донесся едва различимый ритм, похожий на биение сердца. Майер определил источник и побежал туда, гоня перед собой радужную волну.

Вскоре Октаво вылетел на широкий проспект виртуального города, живущего музыкой. Она подчиняла себе все. Верхушки домов отчаянно бились под электронные басы, а тонкие визжащие ноты искрами пробегали под ногами, создавая поток, похожий на движение машин. Подсознание привело Октаво сюда, значит, что-то здесь есть. Обязано быть.

Присмотревшись, Майер заметил, что некоторые огоньки не следовали ритму. Они были чуть крупнее, встречались реже, двигались медленно и ярко светились синим, зеленым, красным, оранжевым. Иногда они сталкивались — и в стороны от них разлетались искры. Октаво попытался поймать огонек, но он ловко обогнул руку и устремился вдаль.

В подсознательном анализе было много плюсов, но был и жирный минус — расшифровать собственные ассоциации, догадаться, что к чему. Сложно, но азартно. Словно бегаешь по виртуальной квест-комнате, но не знаешь, в чем задание,

и спросить не у кого.

Немного погуляв по городу и предприняв еще несколько попыток схватить светящиеся точки, Октаво сел у обочины и подпер щеку рукой.

Все это должно что-то значить, очевидно, нужно было смотреть с какой-то другой стороны, но Майер никак не мог понять значение этой иллюзии. Наверняка в этом потоке зашифрованы данные, только какие? И как понять их значение?

Два огонька столкнулись прямо перед носом Октаво, и его обдало искрами. Он успел прикрыть лицо, и горячие частицы лишь слегка обожгли кожу на пальцах. Чертыхнувшись, Майер осмотрел руку. Отделался парой волдырей, ничего страшного, но следовало быть поосторожнее.

Мозг легко обмануть, он верит, что боль настоящая, может поверить и в смерть.

Но сейчас Октаво чувствовал себя в безопасности. Пока что он застрял на переднем крае подсознания, близко к осознанности.

В голову пришла отличная идея: он находился где-то в дреме, между бодрствованием и сном, а значит, на этом уровне сновидениями можно управлять. Случается же это у обычных людей, значит, состояние можно симулировать.

Сконцентрировавшись, Октаво посмотрел на свою руку и прищурился, заставляя ожоги исчезнуть. Сработало.

Настало время посмотреть на все происходящее с высоты.

Майер подбежал к зданию, дождался тихого проигрыша и, оттолкнувшись со всей силы, взлетел, приземляясь на низкую крышу. Через несколько секунд он вместе с басами взмыл к небу и смог увидеть город свысока.

Под ногами светились миллионы огней. Все мельтешило, вспыхивало. Разобраться не получалось. Что ж, этот мир похож на одну большую головоломку, значит, и решать ее нужно соответствующе. Чаще достаточно посмотреть под другим углом.

Но как? Дома в музыкальном городе не только стремились вверх с басами, некоторые здания отражали высокие и низкие частоты. А те, в свою очередь, уходили под прозрачное покрытие. Конечно!

Подойти к задаче с другой стороны. Буквально.

Майер усмехнулся, разбежался и спрыгнул вниз, ногами пробивая поверхность, словно лед. Тело обдало холодом, и Октаво увяз в прозрачном киселе. Краски города, музыка — все осталось по ту сторону реальности.

Чем дольше Майер тонул в этом киселе, тем отчетливее становилась сама схема города. Шум и огни больше не отвлекали.

Проспект — это линия времени, на которой располагались контакты.

На протяжении года жертва, Юджин Роу, постоянно пересекался с обеими девушками. С Никой он работал на ZerO, с Елизаветой проводил свободное время.

В этом был определенный ритм.

Все шло своим чередом, но за неделю до убийства ритм изменился. Лиза и Ника стали избегать встреч, а Юджин Роу, наоборот, каждый день беседовал с их психиатром.

И, наконец, в конце проспекта появляется новая фигура — Ава Молл, глава корпорации ZerO. Ее не было в ритме, а за несколько дней до смерти Юджина с ней пересеклись все четверо.

Неделю назад что-то произошло. Некое событие. Именно оно изменило ритм социальных контактов и в итоге могло стать причиной гибели Юджина.

Почему гибели? Почему не убийства? Майер понял, что все это время продолжает тонуть.

Майер закрыл глаза, раскинул руки и позволил себе все глубже погружаться в подсознание.

Казалось, что падению не будет конца. Октаво закрыл глаза и отпустил мысли на волю.

Интересно, есть ли у подсознания дно или это фрактал, бесконечность? Что больше, внутренний мир или Вселенная? Или это одно и то же?

Философские размышления прервались, когда Майер больно ударился спиной обо что-то твердое. Из легких выбило воздух, и он распахнул глаза.

Над головой было небо насыщенно-синего цвета. Оно было продырявлено звездами, словно кто-то палил изнутри из пулемета.

Проморгавшись, Октаво осмотрелся и обнаружил, что находится на земном кладбище. Притом на старом, когда людей еще хоронили без кремации, ставили каменные надгробья и выращивали вокруг усопшего целые клумбы. Он видел подобные места только в виртуальных мирах.

Майер с трудом поднялся и обнаружил, что смотрит на все под странным углом. Как-то подозрительно снизу. Посмотрев на руки, он осознал, что находится в теле ребенка. Это вызвало смутное ощущение тревоги.

К этому тяжело было привыкнуть: исчезла привычная точность движений, появилась неуклюжесть, будто тело сомневалось в каждом жесте. Зато краски и запахи ощущались острее.

Октаво побрел по дорожке мимо поросших мхом надгробий, скорбящих ангелов, корявых деревьев. Впереди на холме виднелись склепы. Один из них был открыт, и вместо фамильного герба на сером камне был вырезан силуэт кролика. Очевидно, нужно было идти туда.

Что подсознание хотело этим сказать? Как кладбище связано с делом?

Постепенно на кладбище поднимался ветер. Свистел в голых ветвях деревьев, поскрипывал оградами, шипел. Майер прибавил ходу, похоже, вот-вот начнется дождь.

Он был на середине пути, когда смог расслышать в очередном порыве слово «падаль». Вздрогнув, Майер обернулся. Звук был где-то совсем рядом.

— Па-а-а-а-а-а-адаль падаль, — шептала статуя.

Вот что напрягало Майера: скорбящие ангелы. Андроиды с пернатыми крыльями и нимбами над головой. Они были покрыты сверху тонким слоем штукатурки, которая трескалась на глазах.

— Падаль падаль, — шептали они механическими голосами и медленно расправляли крылья.

С тихим треском нимбы над головами зажигались неоновыми цветами, и Майер понял, что нужно бежать. Со всей детской прытью он понесся вперед к склепу.

Один из ангелов слетел с постамента и спикировал на Октаво, когтями хватая его за одежду. Майер едва смог удержаться на ногах. Еще один крылатый андроид преградил дорогу. От неожиданности Майер вскрикнул. Он узнал конфигурацию, голос Андроид, уничтоживший педофила, убившего его хозяйку.

Обернувшись, Майер узнал и остальных.

Гис, ядро которого захватил хакер и использовал для взломов. Оба погибли при аресте. Надина, которую взорвали вместе с бомбой в старой колонии. — Па-а-адаль, — хором шипели они, — органическая па-а-а-адаль

Надина раскрыла рот: он был похож на бездну, в которой светились звезды. Металлические клыки блеснули у лица Октаво, и он инстинктивно загородился рукой.

Ладонь пронзила острая боль. Майер закричал и что было сил рванул руку на себя. Кусок плоти остался в зубах Надин.

В воздух взметнулся фонтан крови. Октаво нырнул под ее крыло и бросился к спасительному склепу.

Андроиды, стоящие на пути, вылуплялись из мраморной оболочки, как из скорлупы. Распрямляли крылья, тянулись шарнирными пальцами к Майеру. Некоторые взлетали вверх и пикировали прямо на голову. Они метили в киберимплант, пытались вцепиться в него и вырвать. Октаво бежал, прикрывая его окровавленными руками. Влетев в склеп, он захлопнул за собой тяжелую дверь, задвинул щеколду и привалился к холодному металлу спиной. Несколько минут он просто дышал, надеясь, что шепот и шуршание крыльев стихнут, но они становились только громче.

Немного придя в себя, Майер огляделся. В склепе на месте саркофага стояло подобие подсвечника с факелом. Во всполохах огня отчетливо виднелась фигура горящего человека. Юджин Роу, жертва убийства. Он безмолвно кричал и извивался, от этого пламя факела трепетало, и чем сильнее были страдания, тем ярче был свет. Сюрреалистичная картина неожиданно отрезвила Октаво. Он вспомнил, зачем пришел сюда. Гибель Юджина Роу. Почему гибель? Почему не убийство? В этом должен быть какой-то смысл.

Наскоро перебинтовав руку лоскутами футболки, Октаво взял факел и пошел с ним вдоль стены, освещая вырезанную в камне эпитафию.

Она была похожа на египетские пиктограммы. В свете огня они оживали и разыгрывали сцены, воспроизводя записи

с камер. Обе девушки в образе жриц по очереди появляются рядом с фараоном, а затем исчезают.

Пиктограммы повторяются несколько раз, но в конце появляется новый персонаж. Фигура божества, только вместо звериной головы на человеческом теле красовался гигантский черный глаз.

Фараон превращается в мумию. Мумия горит.

— Черный глаз? — пробормотал Октаво вслух.

Майер сделал несколько шагов назад. Что-то странное. Откуда он взялся? Еще раз пробежавшись по эпитафии, Октаво заметил то, чего не замечал раньше. Глаз был рядом со жрицами всегда. То он вписывался в пейзаж, то маскировался под солнце, лежал камнем под ногами.

— Что это? Наблюдатель? Третья личность? Какой-то секрет?

Будто в ответ на его слова склеп открылся, предлагая Октаво спуститься еще глубже и поискать ответ там. Одновременно с этим потолок склепа замерцал. Через полупрозрачные камни виднелись очертания музыкального города, а значит, и путь в реальный мир.

Горящий юноша отчаянно плясал в огнях факела. Казалось, что от этих танцев колышется само пространство, идет рябью. Когтистые механические пальцы ангелов царапали дверные щели, склеп заполонил их обвиняющий шепот.

Нужно было уходить из этой реальности как можно быстрее, но Майер никак не мог решить, куда. Уйти без ответов

или рискнуть? Октаво мысленно проклял себя за любопытство и прыгнул в черноту склепа.

Мрак нежно обнял его и поглотил.

Полет был коротким.

Майер приземлился на гладкую поверхность зеркала. Горизонт изгибался, словно это была огромная полусфера, может, даже планета. Мерцающий холодный океан под черным небом. Шепот ангелов стих. Не было слышно ничего, даже биения сердца.

Единственный ориентир — это светящийся впереди портал. Это путь обратно. Но зачем возвращаться, когда они только пришли?

К смерти Юджина Роу причастен Черный Глаз. Осталось понять, кто это или что, — и дело раскрыто. Феноменальный успех благодаря методу подсознательного анализа.

Всего лишь шаг до истины. Октаво шагнул вперед, и в этот момент зеркало под ногами Майера треснуло.

На разломах постепенно проступали прозрачные капли. Октаво постарался не шевелиться, но хруст только усиливался, а потом осколки тронулись, словно лед. Майер чертыхнулся, развернулся и побежал к порталу выхода, пытаясь обогнать зеркальную энтропию.

Приходилось постоянно смотреть под ноги, выбирая куски понадежнее. Постепенно Майер начал замечать в осколках взгляды подозреваемых: Ники Сорес и Елизаветы Астро. Две удивительно разные личности с одинаковыми радуж-

ками глаз. Хмурые, сердитые, веселые, полные слез, живые, настоящие. Только они двое и никого больше. Ошибки быть не может. Пустой глаз не третья личность, тогда кто он или что? Символ мести? Секретный проект? Человек?

Майер плохо соображал на бегу, двигаться вперед было все сложнее. Осколки плавали на какой-то черной поверхности, покрытой то ли слизью, то ли водой. Из-за нее стекло становилось скользким.

Октаво постоянно поскальзывался. Всего три прыжка до портала, и тут в небе над головой прорезалась полоска света. Она медленно расширялась, а на ее краях колыхались длинные черные отростки. Они расходились, словно ресницы.

Майер замер, поражаясь своей догадке, а потом посмотрел в черноту под ногами. Тело сковал ужас.

Осколки медленно расплывались в стороны, открывая свету гигантский черный зрачок. Небо над головой снова хлопнуло, и Майера сбило с ног соленой волной. Он схватился за край зеркала, глубоко порезав руки. Нужно было спасаться. В голове отчаянно крутились тысячи вариантов: использовать осколок как плот и грести, дождаться новой волны и попробовать себя в качестве серфингиста, попытаться проткнуть осколком глаз. Но Октаво не мог пошевелиться от ужаса.

И дело было вовсе не в гигантском глазе, на поверхности которого он барахтался, а в том, что было в его глубине.

Черная, совершенно беспросветная пустота. Она погло-

щала жизнь. Будто крючком поддевая вены, она вытягивала их и всасывала в себя, как спагетти.

Казалось, что он где-то уже встречался с этим. Воспоминания молчали, память не откликалась, только по позвоночнику бегали разряды.

Глаз еще раз моргнул, и Октаво почувствовал, как эта чернота начинает засасывать его. Вода окрасилась кровью, руки и ноги исчезли во вспышке. Октаво закричал.

Резкая боль в районе затылка привела его в чувство.

Майер очнулся в рабочем кресле. С трудом сфокусировав взгляд, он увидел перед собой перепуганное лицо Шейлы. Октаво попытался улыбнуться, но не вышло.

— Ты меня слышишь? — спросила она хрипло и приложила к его лбу ледяной компресс. — Что почему ты тут? — ответил Майер вопросом на вопрос.

Голос дрожал и не слушался. Октаво осторожно коснулся затылка. Киберимплант был горячим, но из-за экстренного отключения вся система сбоила. Он не мог получить данные о своем состоянии, времени суток, дне недели. Отвратительное ощущение беспомощности.

— Ты закричал, — сказала Шейла. — И я нажала кнопку. — Прости, — простонал Майер, постепенно вспоминая события прошедших трех минут.

Шейла смотрела не просто сердито, а зло. С трудом удерживаясь от того, чтобы не врезать Майеру как следует. Этот взгляд он знал слишком хорошо.

— Мне удалось убедиться, что в подозреваемом теле только две личности. Третьей нет, — Октаво выставил новую информацию по делу в качестве щита. — В подозреваемом теле? — Шейла прицепилась к формулировке, а затем резко склонилась к лицу Майера и зло прошипела: — Ты конченый, ясно? Со своими тупыми экспериментами, методами и прочим нейродерьмом!

Кажется, Бэнкс и не думала успокаиваться, с каждой секундой впадала в ярость все больше. Октаво поспешил поднять руки вверх.

— Ладно, ладно, переборщил немного. Но я в норме! Шейла прищурилась и тихо переспросила: — В норме? — Да, — соврал Октаво.

Бэнкс отвесила ему легкий подзатыльник.

— За дуру считаешь? Или за дерьмового копа?

Он был не в порядке. Совсем не в порядке. На ладонях все еще чувствовалась острая боль порезов, во рту металлический привкус крови, но главное — страх. Он никуда не исчез, а при одной мысли о виртуальной реальности прошибал пот. Казалось, что стоит снова подключиться к чему-нибудь — и оттуда будет глядеть он. Чертов глаз. Похоже на фобию.

— Стоит мне на секунду забыть, почему я не работаю с тобой в паре, стоит расслабиться, и я получаю от тебя порцию первоклассного теша. Потом ты улыбаешься, а меня неделю трясет, — Шейла отстранилась, раздумывая, не врезать ли Майеру еще разок. — Но знаешь, что больше всего бесит? —

Что я милаха? — Майер улыбнулся, пытаясь перевести все в шутку. — Что ты мне врешь. Нет, не так. На вранье можно поймать. А ты подло недоговариваешь. Ты как-то сказал мне, что на Марсе все не то, чем кажется. Так вот это про тебя, Октаво. Даю тебе последний шанс: расскажи, мать твою, что на самом деле происходит!

Октаво замер. Впервые всерьез раздумывая, а не сдаться ли коллеге с потрохами. Вся сложность их отношений была в том, что Шейла и правда отличный детектив. У нее нюх на тайны и ослиное упрямство. Она, как тоннелепроходческий комплекс, не остановится, пока не пробурит до цели. До обвинительного приговора. Ей недостаточно узнать правду, ей нужно найти виновных и наказать. Все должно быть по закону. Знай она хоть часть того, что за все это время провернул Майер, то она бы давно упрятала коллегу за решетку. Узнай она, зачем он это делает, на Марсе началась бы настоящая война.

Поэтому он старался держаться как можно дальше. Но если сейчас не сказать ей правды, хотя бы часть, она не отстанет:

— В общем, — сдался Майер, — мне очень хотелось попробовать новый метод, но я глубоко залез в подсознание и, кажется, немного переборщил. — Октаво осторожно взял холодный компресс и прижал его к шее, мысленно обещая себе поменять термопасту. — Я получил информацию, но словил фобию. Кажется, я временно не смогу пользоваться

виртуальной реальностью, если вообще смогу интерфейс открыть.

Шейла слушала внимательно, но под конец на ее лице появилась язвительная улыбка: — Так тебе и надо, Майер. Добро пожаловать в реальность. И что мне помешает пойти к шефу и сказать, что ты временно профнепригоден? — Милосердие? — предположил Октаво. — С тебя крутой обед. И помощь в каком-нибудь деле, — усмехнулась Шейла, слезла со стола и осторожно тронула мыском ботинка один из киберпротезов, валяющихся на полу. — И прекрати разбрасывать по кабинету свои конечности. Развел свинарник.

Шейла вышла в коридор, а Майер со стоном уткнулся в стол, позволив себе расслабить руки. Его все еще потряхивало от воспоминаний. Голова раскалывалась. Очень хотелось спать. Но одна мысль о сне заставляла вздрагивать. Вдруг там будет чертов глаз?

Сейчас бы неплохо было бы подкрутить биохимию мозга, заставить себя вернуться в норму, но для этого нужен доступ к интерфейсу. Чертов замкнутый круг.

Провел эксперимент и сам же нанес себе психологическую травму. Схлопотал фобию на ровном месте. И что теперь делать? Обращаться к профессионалам?

В голове на секунду прояснилось, Майер выпрямился и даже смог выдавить из себя улыбку. Раз нужен психиатр, почему бы не обратиться в клинику. В клинику доктора Хаутшильда

Глава 2

— Я боюсь подключения к Сети, — неохотно сознался Кевин Ли.

Ссутулившись, он стоял в просторном холле психиатрической клиники, разговаривая с высокой блондинкой-ассистенткой. Девушка, одетая в белый комбинезон, смотрела на него с вежливой улыбкой.

— Потому что там водятся тролли? Или кто-то наблюдает за вами оттуда, Большой Брат — Вы издеваетесь? — нахмурившись, спросил Кевин и сделал вид, что собирается уходить. — Нет-нет! — блондинка всплеснула руками. — Я просто уточняю для доктора. — Так позовите его! За ту цену, что вы просите за лечение, я не намерен общаться с ботами.

Мужчина раздраженно взмахнул рукой, сбивая настройки голограммы. Как бы совершенна ни была техника, спутать живого человека с ботом было сложно. Пальцы утонули в животе девушки, пустив рябь по стройной фигуре.

— Позвольте, я провожу вас в кабинет, — голос голограммы звучал все так же приветливо, только губы не поспевали за словами.

Блондинка, покачивая бедрами, пошла по коридору, зовя Кевина за собой. В местах, где не было излучателей, она пропадала, но через пару шагов появлялась вновь. Наконец

они остановились у одной из дверей, ничем не отличавшихся от всех прочих.

Голограмма сделала приглашающий жест, и магнитные замки открылись, позволяя Кевину войти в небольшой уютный кабинет в ретростиле. Дубовый стол с зеленой лампой, кожаное кресло, шкаф с книгами. Разве что скелета не было, но с голограммой за дверью он и не нужен.

— Доктор освободится через пятнадцать минут.

Кевин не ответил, просто закрыл за собой дверь. Во врачебных кабинетах, так же как в юридических конторах, полиции и туалетах, не было камер. Защита прав и свобод граждан марсианской колонии.

Только в этот раз защита наверняка понадобится клинике.

Оказавшись в одиночестве, мужчина расправил плечи и встряхнулся, на минуту сбрасывая роль нервного и недоверчивого Кевина Ли — подставной личности, учетку которой детектив Майер Октаво использовал для расследования.

Личность Кевина было легко имитировать, а любая проверка с легкостью найдет его последние действия в интернете, посты и комментарии в социальных сетях, траты по кредитным картам. Цифровой след Кевина был безупречен.

Майеру лишь оставалось вставить линзы с нужной радужкой, попрыскать волосы краской и вместо привычных протезов надеть практически неотличимую имитацию человеческих рук и ног.

Майеру не терпелось разнюхать об этой клинике как мож-

но больше. Почему бы не зайти сюда в качестве клиента и не узнать о методах доктора? Использовать полученную информацию в деле будет нельзя, но Майер уже давно научился марсианскому компромиссу: узнать правду любой ценой, а потом найти легальные способы ее доказать.

Если в кабинете психиатра стояли камеры, то они бы не заметили ничего необычного. Нервный мужчина средних лет сидел в кресле, раскачиваясь. Периодически он вскакивал, снова садился, теребил волосы за ухом.

А тем временем из его штанин, прячась в тени ножек стула, выползали мелкие механические пауки. Они разбегались по укромным уголкам. Самый крупный из них шмыгнул к столу психиатра в поисках терминала, но тщетно. В этой стилизации под кабинет доктора Фрейда не было места мониторам и компьютеру.

Сканер радиоспектра находил только открытые публичные сети, значит, где-то проложено оптоволокно и данные клиники передаются по нему. Механические пауки тщетно искали провода.

Вскочив с дивана, Майер принялся прохаживаться по кабинету, продолжая играть роль невротика Кевина, что было несложно.

В психиатрической клинике просто обязана быть сеть. Как иначе они хранят карты пациентов, назначения, результаты тестов и другую конфиденциальную информацию? Значит, где-то должна быть и чертова оптоволоконка.

Майер направился к рабочему столу психиатра, но в этот момент раздался щелчок магнитного замка. Механические пауки шмыгнули в укрытие. Детектив обернулся и замер.

В кабинет уверенно зашла знакомая голограмма с ресепшен — высокая блондинка в обтягивающем белом комбинезоне.

— Здравствуйте еще раз, Кевин, — сказала она и с улыбкой прикрыла за собой дверь.

Майер как завороженный следил за ее тонкими пальцами на дверной ручке. Что за технология позволяет голограмме касаться предметов? В голове пронеслись воспоминания об одном паршивом расследовании, когда взломанная дополненная реальность сводила людей с ума такими вот мелочами.

— Не пугайтесь, я настоящая, — улыбнулась блондинка, заметив его замешательство. — Большинству пациентов спокойнее общаться с моим голло, так что — Я не из их числа, — хрипло ответил Майер.

Ему больше не надо было прикидываться нервным, пот и так проступил на висках. Да, приходилось признать, что он и правда не в себе. Пусть это хотя бы будет на руку расследованию.

Тем временем девушка прошла за стол, достала из ящика несколько настоящих листов бумаги и положила перед собой. На ее груди блеснул полупрозрачный бейджик, и Майер наконец обратил внимание на надпись «Пенелопа Грандж,

врач-психиатр».

— Что ж, давайте поговорим о вас, мистер Ли. На что жалуетесь? — спросила Пенелопа.

Майер несколько секунд смотрел на бумагу, затем хмыкнул. Вот почему он не смог найти кабель. Его здесь нет. Вот как клиника обеспечивает конфиденциальность — ведут дела на бумаге. Это было неожиданно и интригующе. Какие еще сюрпризы преподнесет это место?

Детектив опустился в кресло и произнес:

— Я чувствую тревогу при подключении к сети Интернет. Не могу сказать точно, когда она появилась. Поначалу это меня не беспокоило, но теперь каждый визит в паутину — испытание. Начались проблемы на работе, нарушился сон, — Майер говорил в нейтральной манере, характерной для работников корпорации.

Пенелопа слушала внимательно, делая пометки на бумаге. Она, как любой хороший психиатр, находила в словах пациента мелкие зацепки и ключи, которые потом станут мощным инструментом давления или терапии. Поэтому Майер, рассказывая легенду Кевина Ли, старался наполнить ее скучной банальностью, свойственной настоящим проблемам.

— А что сказал штатный психолог корпорации? — задала вопрос Пенелопа.

Майер мысленно выдохнул. Раз психиатр задает стандартные вопросы, значит, все идет хорошо.

— Обращаться по страховке, чтобы руководство узнало

о моих проблемах? Сначала я пошел к частному психологу — И он рекомендовал вам обратиться в нашу клинику. — Нет! Предложил терапию из тридцати сеансов раз в неделю, — Кевин Ли сложил руки на груди, — без всяких гарантий.

Пенелопа оторвалась от записей и посмотрела на него. Недовольно фыркнув, Кевин продолжил: — Через три недели у меня закончится контракт! Если его не продлят, то моя карьера вылетит в трубу, а я окажусь на марсианском дне, — Кевин поднялся со стула. — Покажите мне вашу хваленую клинику. На что вы способны, и я заплачу тройную цену.

Несколько секунд Пенелопа оценивающе смотрела на Кевина, а затем широко улыбнулась. У нее была идеальная улыбка. Сложно было не улыбнуться в ответ, но Кевин никогда бы этого не сделал. Майер с трудом сдержался.

— Вам повезло, мистер Ли, наша клиника работает на результат. И мы, в отличие от других, можем его гарантировать. Позвольте устроить вам небольшую экскурсию.

Медленно покачивая бедрами, девушка повела Майера по узкому коридору. Замедляясь перед каждой дверью, она поднимала жалюзи на смотровых окошках, позволяя заглянуть в помещения.

В просторной комнате по кругу стояли стулья. На пяти из них стояли старые ламповые телевизоры и один-единственный человек, разговаривающий с мигающими изображениями. Лица были перекошены от ярости, а маленький ссутулившийся человек плакал.

Следующее окно вело прямиком в джунгли. Заросли, лианы, тридцать оттенков зелени, а в эпицентре растительного буйства сидел обнаженный мужчина, угрюмо почесывая спину. Надо сказать, что выражение его лица, густые волосы, покрывающие тело, и поза сроднили его с обезьяной. И он, судя по всему, в это верил.

За пятнадцать минут экскурсии Майер увидел еще восемь палат, и под конец у него сложилось впечатление, что он оказался персонажем какого-то сюрреалистичного фильма. Дверь в последнюю комнату была открыта, и от этого стало жутко. — Что у вас за методы, черт побери? — спросил он. — Заходите и узнаете.

Наверное, Кевин Ли струсил бы, потребовал объяснений, задал сотню вопросов, но его не существовало. Был только детектив Майер Октаво, любопытство которого сильнее здравого смысла.

Задержав дыхание, он шагнул.

Глава 3

Светлый пеносиликоновый пол плавно перетекал на стены, затем на потолок, сглаживая углы. Материал прекрасно поглощал звуки, оттого тишина в комнате была абсолютной. Майер слышал собственное дыхание и стук сердца. Оно билось в груди так сильно, что становилось больно.

В центре этого белого пространства стоял шалаш из пледов и лоскутных одеял. Он напоминал индейский вигвам. Края шаткой на вид конструкции расходились в стороны, позволяя рассмотреть фигуру худого мужчины, сидящего спиной ко входу.

Он был одет в белый облегающий комбинезон, через который отчетливо виднелись острые позвонки и ребра. Почти дистрофик. Но больше всего привлекал внимание металлический блеск в районе затылка.

В голову человека в шалаше был встроен кибернетический имплант. Майер осторожно приблизился, чтобы рассмотреть конструкцию, и замер. — Боже, это же Интерфейс-Б612! — воскликнул он, не сдержав восторга.

— Мистер Ли, удивлена, что вы так легко опознали модель, — послышался за спиной голос Пенелопы.

Майер закусил губу. Феноменальный прокол. Кевин Ли, под личностью которого скрывался детектив Октаво, был маркетологом. Откуда ему знать, как выглядят модели ста-

рых экспериментальных интерфейсов? Это только для экспертов и задротов вроде Майера.

Пенелопа была опытным психиатром, таких сложно обмануть. Профессиональное чутье подсказывало, когда перед ними настоящая личность, а когда пси-конструкция, изображающая здорового человека. Наполеоны и Гитлеры давно исчезли из клиник. Их заменили персонажи многочисленных виртуальных игр. Выходя из очередного фантастического подземелья, можно с легкостью притащить в реальный мир своего файтера, фамильяра, виртуальную подругу. А ситуация с вымышленной личностью Кевина была еще сложнее, ведь Майер тоже выдуманный персонаж. Потеряв память, он изобрел детектива Октаво! Персонаж, который выдумал себе персонажа...

Интерфейс Б-612 был такой редкостью, что Майер вылетел из своей роли, поддавшись смеси удивления и восторга. Даже осознав ошибку, он не мог отступить. Где-то здесь была развязка. Ключ к делу, которое нельзя запороть.

Тем временем Пенелопа изучала его, и этот строгий придирчивый взгляд тоже искал зацепки.

Прикинуться извращенцем проще, чем дураком. Такова уж профессиональная деформация психиатров. Они охотно принимают пороки других людей и вряд ли поверят тем, кто убеждает окружающих в своей нормальности.

— У Оливии Стоун интерфейс Б-612, — сказал Октаво, — я почитываю иногда ее романы. Она хороший писатель,

если не обращать внимания на обилие эротических сцен.

На лице доктора Грандж промелькнула понимающая улыбка, но она тут же спрятала ее за маской невозмутимости. Мужчина, который втайне читает женские романы. Возможно, она даже сочла это милым.

— Мистер Ли, позвольте познакомить вас с Авелем, — доктор указала на худого мужчину, который за все это время даже не пошевелился, — нашим главным психоинженером.

Майер протянул Авелю руку, но реакции не последовало. По едва заметному трепету ресниц и прерывистому дыханию стало ясно, что здесь, в белой комнате без единого угла, лишь оболочка. Сознание утекло куда-то по проводам в бесконечность виртуальности.

Пенелопа склонилась к уху мужчины и что-то тихо пропела. Мотив показался Майеру знакомым, и по телу пробежали тревожные мурашки. Словно это была песня далекого прошлого, возвращающая в детство, которого Октаво совсем не помнил.

— Я здесь, чего ты хочешь, Пенелопа?

Голос прозвучал так неожиданно и громко, что Октаво вздрогнул. Источника звука не было видно, губы мужчины так и оставались неподвижной бледной полоской, казалось, что говорят сами стены.

— Авель, это мистер Ли, он обратился в нашу клинику с фобией. Расскажи, как мы можем ему помочь.

Матовые стены ожили и поплыли. Майеру показалось, что

пол уходит из-под ног, но это была всего лишь иллюзия. Видимо, за тонким слоем пеносиликонового покрытия находились LED-панели, и сейчас все пространство вокруг стало большим демонстрационным экраном на триста шестьдесят градусов.

— Психоинженерия — это новая наука с древними корнями. Я расскажу о ней на примере Пьера.

На стене появилось изображение крепкого молодого мужчины с золотистыми волосами, открытым взглядом и улыбкой. Он был одет в спортивный костюм и спокойно шагал по беговой дорожке, слушая музыку. Можно было расслышать слова популярной песни.

— Пьер выглядит здоровым, но на самом деле у него шизофрения. Никто до сих пор не знает причин. Он родился в благополучной семье в Калифорнии.

На глазах Майера блондин превратился в младенца, которого бережно кутает в махровое полотенце приятная пышная женщина. От нее пахнет присыпкой и сладким молоком. Малыш гулит, пока мать вытирает его ручки и ножки. Из-за спины появляется высокий худощавый мужчина с подгузниками. На его лице видна смесь растерянности и радости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.